

ЦИКЛ «ПОЙМАТЬ ВЕТЕР»

СИМЕНЕМ *ветра*

ХЕЛЬГА ПЕТЕРСОН

Хельга Петерсон
С именем ветра
Серия «Поймать ветер», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66688050

SelfPub; 2024

Аннотация

Она уехала на край света, чтобы спрятаться от мира и залечить душевные раны. Он уехал туда же, чтобы в одиночестве обдумать идею новой книги. Они не ждали встречи, но она случилась. И теперь писатель-неудачник не отпустит свой лучший сюжет.

Содержание

Корнуолл	4
Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	30
Глава 5	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Хельга Петерсон

С именем ветра

Корнуолл

Глава 1

Свинцовое небо нависало над головой, будто хотело раздавить маленькие, словно игрушечные, домишки. Ветер с яростью бросал волны на пляж небольшой бухты. Холод на побережье пробирал до костей, больше всего хотелось сидеть возле камина, завернувшись в одеяло, с бутылкой чего-то горячительного.

Но именно сегодня выяснилось, что в холодильнике остался только высохший кусочек сыра и полугнилое яблоко. Пришлось найти в куче одежды приличные джинсы, свитер, и высунуть нос из дома. Бриться было незачем. Эта глушь не заслуживает таких усилий.

Порыв ветра заставил калитку хлопнуть, и пакет с продуктами чуть не выпал из рук.

Корнуолл? Почему Корнуолл? Кто вообще ездит в Корнуолл в октябре?

Шейн задавался этим вопросом уже неделю. С того мо-

мента, как вручил оплату владельцу коттеджа, а взамен получил ключ. Господи, ну почему на той вечеринке никто не упомянул Италию? Или Грецию? Как бы между прочим: «Эй, ребят, недавно вернулся с Родоса. Какие виды! Какой климат! Целыми днями строчил главу за главой, книгу закончил за неделю, вот это вдохновение!». Да нет же, Джесси Фицуильям хлопнул Шейна по спине и заявил:

– Ты бывал в Корнуолле? Мы с Тарой вчера вернулись, снимали там дом. Потрясающее место!

– Рад за вас, – только и ответил Шейн.

Однако позже в тот же вечер под действием виски нашел в интернете этот коттедж. Связался с владельцем и зарезервировал дом на месяц. Странно, что здешние люди вообще в курсе, что такое Гугл. Здесь ведь и мобильная сеть-то не очень. Чтобы отправить сообщение, нужно вытянуть руку вверх и подпрыгнуть, а про звонки и говорить нечего. Позвонить и внятно поговорить можно только с ближайшего утёса, на который идти минут пять.

Но именно этого Шейн и добивался, разве нет? Сроки поджимают, нужно отрешиться от цивилизации и спокойно поработать. Однако работа не шла. Слова не складывались в предложения, сюжет казался плоским, герои – картонными. После первых двух дней безуспешных попыток что-то написать, Шейн завалился на диван с вином и ноутбуком, набитым фильмами. Больше делать было нечего. Попытки прогуляться по пляжу закончились тем, что Шейн, задумавшись,

подошел слишком близко к воде, и его окатило ледяной волной. На утесе ветер просто сшибал с ног. В деревушке люди не переставая косились на чужака. Что с ними не так? Жителям периферии положено любить туристов, а не пытаться обсчитать их на кассе магазина.

Шейн шел по дорожке к дому, когда его боковое зрение уловило что-то яркое. Свет. В доме по соседству горел свет. Не то чтобы это так уж важно. Но когда Шейн получал ключи, хозяин невзначай сказал, что соседний дом так же принадлежит ему, и что сейчас он пустует. Мол, никто не хочет жить на берегу океана в октябре. Тем более, что ближайшее общество находится на некотором отдалении от двух коттеджей, стоящих практически на самом пляже.

Это был намек, что Шейн идиот. Тогда он этого не понял, но после недели созерцания мрачных туч и волн, слова хозяина всё чаще приходили в голову.

А сейчас напротив соседнего коттеджа стоял внедорожник, в окнах первого этажа горел свет. Хотелось бросить на землю пакеты и захлопать в ладоши. Но, конечно, тридцатилетние бородатые мужчины так не поступают. Они просто поднимают бровь и кривят губы в усмешке.

Так Шейн и сделал, после чего выудил из кармана ключ и зашел в дом, в благословенное тепло.

Итак, сосед. Человек. Такой же чужак в этом месте, как и Шейн. Вполне возможно, больше не придётся пить в одиночестве. Эта мысль принесла чуть заметный огонёк радости.

Почему-то такое необходимое ранее одиночество не принесло ничего хорошего. Шейн нормально к нему относился, но лишать себя хоть какого-то общения с людьми было глупостью: книга не стала писаться быстрее, зато крыша начинала съезжать однозначно.

Шейн бросил пакеты на кухонный стол, и пошел назад, на улицу. Надо пойти представиться, завести беседу, пригласить на кофе. Хлопнув дверью, он приблизился к своей машине и замер.

На пляже стоял человек. Расстояние между ними не позволяло как следует рассмотреть соседа, но это явно был подросток или ребенок. Невысокий рост (чуть больше пяти футов), за мешковатыми джинсами и толстовкой угадывалась худая фигура, волосы прятала бесформенная шапка. Подросток стоял неподвижно, засунув руки в карманы, лицо обращено к воде.

Шейн замер. Если есть ребенок, значит, есть и родители. Это немного меняет дело. Семья вряд ли захочет связываться с непонятным отшельником, даже если Шейн соизволит побриться и не наводить страх на людей. Его черные глаза и чёрные волосы, доставшиеся от бабули-индианки, вкупе с бородой создавали впечатление террориста-смертника. Нужно понаблюдать за соседями, и только потом решить, навязываться им или нет.

Пока Шейн стоял и думал, одинокая фигурка на пляже

собралась уходить. И вдруг подросток, будто почувствовав на себе взгляд, обернулся и посмотрел прямо на Шейна. В следующую секунду он быстрым шагом бросился к своему дому. Хлопок двери было слышно даже с расстояния в триста футов между домами.

Да. Бороду террориста нужно хотя бы укоротить.

О нет. Нет-нет-нет. Человек. Настоящий, живой человек. Но ведь хозяин обещал, что здесь будет полное уединение! Никаких соседей, ближайшая деревня хорошо видна из окон, но не настолько близка, чтобы кто-то заглянул на чай. И всё-таки оказалось, что соседний дом тоже снят. Хозяина надо вздернуть. Он содрал немыслимую сумму за уединение и вай-фай. Всего-то два условия, неужели так сложно их не нарушать? Хотя, надо сказать, вай-фай тут потрясающий, ловит даже на пляже.

Нужно срочно написать Гаррету, сообщить об ошибке, потом собрать вещи и уехать домой. Но какой в этом смысл? Рента уплачена на месяц вперед, деньги этот проходимец не вернёт, это уж точно. Рет просто вздохнет и скажет, чтобы Мистраль не накручивала себя. У предельно корректного Рета это будет значить что-то вроде «заткнись и не истери».

Мира рухнула на диван и уставилась в камин. Ладно, действительно надо успокоиться. Она ведь за этим сюда и при-

ехала, чтобы успокоиться. Чтобы вдыхать морской воздух, созерцать волны и успокаиваться. Панические атаки стали случаться гораздо реже, еще не хватало, чтобы они вернулись. Нужно только дышать, смотреть на волны и сохранять спокойствие.

И игнорировать человека из соседнего дома.

Пожалуй, это будет не очень сложно. Когда люди пытаются заговорить с Мирой и не дожидаются ответа, желание общаться у них пропадает само собой. Намного проще игнорировать людей, чем пытаться объяснить, что ты не можешь говорить. После нескольких попыток Мистраль отказалась от этой идеи. У людей делается ужасно смешное лицо, какая-то смесь сочувствия и растерянности. Они замирают и не знают, как себя вести дальше. Еще какое-то время выдавливают из себя ничего не значащие реплики о погоде или курсе валют, а потом под благовидным предлогом отходят в сторону.

Но попадают и такие, которые пытаются выяснить, что произошло. И неизвестно, какой тип хуже. Очень сложно объяснить, что у тебя случилась афония на фоне стресса, потому что ты работала, как проклятая. И потому что парень, с которым ты встречалась год, решил «взять паузу, подумать о будущем, а потом вдруг женился на другой.

Господи, какой это был кошмар. Братья не знали, куда деть глаза, когда Мистраль выпытывала из них правду. Лучше бы она этого не делала. Предшествующие недели тяжелой работы и так сделали из неё тень, а эта потрясающая новость

поставила точку. Голос пропал. Он уже некоторое время давал сбои, иногда хрипел и обрывался, но сейчас его просто не было.

Гаррет протащил сестру по лучшим врачам, но они только разводили руками. Мол, связки мы подлечим, они немного износились, но остальное относится к психологии. Нужна психотерапия и время. Необходимо сохранять покой и дышать морским воздухом. Собственно, этим Мистраль и собиралась заняться, и никакой сосед ей не помешает. Ей нужен голос. Конечно, всем нужен голос, но ей особенно. Голос – это её жизнь, её работа, её сила. Без голоса она никто.

Мира встала с дивана и подошла к окну, выходящему на соседний дом. Внедорожник, похожий на её собственный, всё ещё стоял там, но человека не было видно. Возможно, он такой же затворник, как и она. Возможно, больше она его не увидит.

Глава 2

Прошло два дня, а признаков присутствия взрослого человека в соседнем коттедже не наблюдалось. Шейн иногда выходил на крыльцо с чашкой кофе и сидел в кресле-качалке, поглядывая на дом. Он укоротил бороду, оставив только творческую небритость, закинул в стиральную машину вещи и теперь был готов к встрече с людьми. Но кроме подростка из дома никто не выходил.

Сам мальчишка все в той же одежде и шапке часто бывал на пляже. Он или стоял, или сидел прямо на песке, лицо неизменно было обращено к горизонту. Вид этой одинокой фигурки навел тоску, и в то же время в этом было что-то живописное. Одиноким маленький человек среди практически нетронутой природы Корнуолла. И не было похоже, что ему нужно общение. Он больше не убегал, если замечал Шейна, но и не подходил. И даже ни разу не махнул рукой в знак приветствия.

Кто мог оставить подростка одного в глуши? Хотя наличие машины подразумевало, что парень достиг уже семнадцати лет, однако это не повод пускать его одного в место, где не ловит мобильная связь. Вся ситуация выглядела довольно странно, и Шейн решил, что не хочет в это ввязываться.

Он приехал сюда, чтобы написать книгу, вот книгой и надо заниматься. Хватит мнить себя детективом.

Шейн взглянул на экран бесполезного мобильного и чертыхнулся. Двенадцатое октября, день, когда нужно связаться с издателем и наплести ему с три короба. Работа всё так же не идет, но Майклу об этом знать не нужно.

Он надел парку и вышел на улицу. Чтобы позвонить, придётся подняться на утес. Вообще-то, можно позвонить и отсюда, тогда связь будет прерываться, а шипение в трубке перекроет голос. И не придется оправдываться перед Майклом. Но такой разговор у них уже состоялся несколько дней назад, и вряд ли издателя устроит повтор ситуации. Хоть изредка нужно внятно отвечать на звонки.

Чтобы выйти к тропе, ведущей на утес, необходимо пройти мимо соседнего дома. При приближении к нему Эркуль Пуаро, которого Шейн попытался в себе задавить, всё-таки заставил замедлить шаг и заглянуть во двор. Естественно, это ничего не дало. Света не было (еще бы, сейчас же день), на крыльце раскачивалось пустое кресло-качалка. Будто из этого кресла совсем недавно кто-то стремительно выпрыгнул. Хотя может это ветер его раскачал. Ситуация всё интереснее.

Так, стоп. Шейн поймал себя на мысли, что ведет себя как его индийская бабуля Дипика. Та очень любит заглядывать во дворы и окна соседей, а потом сплетничать со своими подругами. Это простительно семидесятилетней старухе, но никак не тридцатилетнему мужчине, уважаемому писателю, вхожему в светские круги. Как бы отреагировали его дру-

зья, узнав, чем он тут занимается? «Уехал в Корнуолл, чтобы любоваться на первозданную природу и закончить книгу» звучит прекрасно, а вот «уехал в деревню Корнуолла, чтобы пить в одиночестве и следить за соседом» – это уже деградация.

Шейн за пять минут дошел до вершины утеса и набрал номер. Включилась голосовая почта. Сегодня точно счастливый день. Он быстро наговорил банальностей о том, что работает, не поднимая головы, и стремительно побежал вниз, к пляжу, где сеть работает с перебоями, чтобы Майкл не успел перезвонить.

Но, оказавшись возле соседского дома, замер.

Подросток в своей уже традиционной черной мешковатой одежде и бесформенной шапке метался по пляжу, пиная песок, подбирая камни и с яростью швыряя их в волны. Ноги периодически окатывало водой, но подростка, кажется, это не интересовало. Он как будто кричал, размахивал руками, доказывая что-то океану. Однако, возможно, из-за ветра и шума воды, голос до Шейна не долетал. В конце концов, мальчишка устало рухнул на песок и уткнулся лбом в колени.

Шейн мог быстро пройти у него за спиной и укрыться в своём коттедже. Этому парню не нужна компания, в этом не было сомнений. Но что-то остановило Шейна. Раньше от подростка веяло просто-таки картинным одиночеством. Сейчас же это была маленькая, сломленная, уставшая фи-

гурка на холодном песке. Вода лизала его и без того мокрые кеды, но он не отодвинулся, не поднял голову. Ему было плевать.

Шейн двинулся к парню. Став рядом и взглянув на него сверху вниз, принялся ждать, когда его присутствие обнаружат. Это произошло довольно быстро. Парень пошевелился, поднял голову и молча стал смотреть на воду. Так они и провели вместе несколько минут, между ними установилось какое-то молчаливое понимание.

Боковым зрением Шейн увидел, как парень встал с песка и посмотрел на него, будто в ожидании чего-то.

– Я всегда считал, что море – лучший слушатель, – сказал Шейн и повернулся к соседу.

На него смотрела пара больших аквамариновых глаз с черными ресницами. Но не успел Шейн как следует рассмотреть мальчишку, как тот молча кивнул, развернулся и побрел к дому. Он не убегал, шел медленно, опустив голову. При желании его можно было быстро догнать, но Шейн не стал.

На сегодня общения достаточно. Наверное, этот обиженный ребенок воспринимает доброту только маленькими порциями.

То, что случилось, можно назвать всплеском неконтролируемой ярости. Давненько их не было, но злиться намного

приятнее, чем биться в истерику. А началось всё с того, что Мира с утра вроде бы почувствовала себя лучше. Нет, голоса всё так же не было, но ушла апатия, первый раз за долгое время пришла мысль, что всё будет хорошо.

Она снова ходила на пляж. Странно, но там как-то особенно хорошо думалось, возникало много идей для предстоящей работы (теперь она верила, что сможет к ней вернуться). Она смотрела на бушующие волны, а в голове рождалась масса сцен, рифм, мотивов. И тогда она уходила в дом и принималась лихорадочно записывать всё, что смогла придумать.

А потом Мистраль захотелось горячего чая. И она, задумавшись, пролила его на руку. И вскрикнула. Именно вскрикнула. Из горла вышел приглушенный вопль. Мира не сразу поняла, что произошло. Она принялась трясти рукой в воздухе, схватила за полотенце и начала вытирать лужу на полу, и тут до неё дошло. Её связки смогли издать звук, пусть даже ужасно немзыкальный. Это был момент счастья. Мира еще ни разу в жизни так не прыгала и не кружилась по комнате.

Но попытки повторить звук не увенчались успехом. Она открывала рот, старалась протянуть «а-а-а», но связки молчали. И вот тогда проснулись злость и обида. Мира швырнула кружку в камин, опрокинула стул, вылетела из дома и на всех парусах понеслась к пляжу. Она ругала море, ругала жизнь, выплескивала всю обиду, которая накопилась за

прошедший месяц безрезультатного лечения. Наконец-то в ней проснулись какие-то эмоции, кроме безразличия, иногда сменяющегося страхом. Как будто кто-то щелкнул выключателем. И сейчас Мистраль была зла на весь мир.

А потом, когда Мира, уставшая и морально, и физически, села на песок, появился «тот человек». Он просто стоял рядом, и от этого уже было легче. Мира не хотела поощрять его дальнейшее присутствие, всё-таки до сегодняшнего дня он вел себя вполне корректно и не подходил так близко. Стоило только как-то дать понять, и он бы ушёл. Но любопытство взяло верх, и Мистраль посмотрела на него. Впервые с такого близкого расстояния.

У него оказался красивый профиль, четкие скулы, черные волосы и щетина. Такой глубокий черный цвет волос, без единого намека на каштановые проблески, бывает у людей восточных национальностей. Но кожа светлая. Возможно, в его родне и был кто-то с востока, но скорее всего кто-то не слишком близкий. Когда он заговорил, в голосе зазвучал обволакивающий бархат с чуть заметной хрипотцой. А глаза, посмотревшие на Миру, практически такие же черные, как и волосы.

Сидя на диване с новой чашкой чая (придётся покрыть хозяину ущерб), Мистраль очень жалела, что этот мужчина встретился ей именно сейчас. Находишься они в другом месте, в другое время, при других обстоятельствах, она бы не захотела так скоро от него уйти.

Прошло еще несколько дней, в целом ничего особенного не произошло. Но у соседей на побережье появился свой маленький ритуал. По крайней мере, Мира это называла именно так. Иногда, когда она выходила на пляж и погружалась в себя, рядом с нею появлялся «тот человек». Он держал в руках две кружки с чем-то дымящимся, одну из них молча протягивал Мире, и они просто стояли, пили напиток и смотрели на волны. Напиток менялся от раза к разу. Это мог быть кофе, или очень вкусный, необычный чай.

Первая такая вылазка соседа заставила Мистраль удивленно уставиться на его протянутую руку с кружкой. Она медленно подняла взгляд от руки к лицу и увидела вопросительно изогнутую выразительную бровь.

– Не волнуйся так, пузырек с ядом я оставил в другом чемодане, – проговорил сосед бархатным голосом.

Мира моргнула, очнувшись от удивления, и взяла чашку. Больше между ними не было сказано ничего ни тогда, ни в последующие несколько дней. Но молчание казалось дружественным и нетягостным. Как правило, когда кружка пустела, мужчина протягивал руку, Мира отдавала её, и он молча уходил.

Она не знала, как ей относиться к этому ритуалу, но отказываться от него не хотела. Было приятно после добровольного заточения почувствовать присутствие другого человека рядом.

Глава 3

Шейну захотелось что-нибудь написать. Он устроился на диване, открыл ноутбук, перечитал последний абзац книги, и... мысль не пришла. Ничего не выйдет, эта книга обречена на провал. Шейн создал новый документ и надолго замер, глядя на мигающий курсор. И его понесло.

Он вдруг начал описывать Корнуолл, его дикую красоту и октябрьский холод, бухту и свой съемный коттедж. Шейн описал жителей Монк-Бэй. Вспомнил и продавщицу на кассе магазина (бейдж гласил «Шанна»), которая снова пыталась его обсчитать. Рассказ получался живой и с юмором. У Шейна не было никакого заготовленного сюжета, он не знал, будет ли продолжение, но написанное ему нравилось. Это очень радовало. Он давно не писал того, что ему самому понравилось бы. Этим вечером он не хотел оставаться один, ощутив необходимость кому-то рассказать о своем прорыве.

Поэтому, недолго думая, Шейн вышел из своего дома и направился к соседнему. Уже смеркалось, в доме горел свет. Это придавало уверенности, что его не прогонят. Поднявшись на крыльцо, он постучал. Но ответа не было. Еще ведь не слишком поздно для визита? Хотя, учитывая странное поведение подростка, он может не открыть. Шейн поколебался, всё-таки занес руку, чтобы снова постучать, но тут дверь скрипнула и немного приоткрылась. На него снова смотре-

ли уже знакомые аквамариновые глаза. Он не раз думал, что эти глаза слишком большие и красивые для мальчишеского лица.

– Э-э-э... привет, – неуверенно протянул Шейн, всё еще держа руку навесу. – Я тут подумал...

Он не договорил. Сосед окинул Шейна взглядом, и дверь открылась настолько, чтобы впустить человека. И Шейн забыл, что хотел сказать. Рука его безвольно упала.

В проеме стояла девушка. Джинсы были те же, что и всегда, но вместо широкой толстовки обнаружился тонкий трикотажный джемпер, обрисовывающий стройную, гибкую фигуру. Исчезла надетая до самых бровей шапка, и каскад черных, выющихся волос доставал до талии.

Шейна как будто ударили по голове.

Боже, последний раз он допустил такую ошибку в шестнадцать лет, когда сказал приятелю, что хочет переспать с девчонкой, не зная, что она его сестра. Приятель тогда очень хорошо по нему проехал: ребра болели неделю, а глаз заплыл. Сейчас ощущения были примерно те же, только в этот раз его никто не бил.

Лицо девушки сделалось удивленным. Очень симпатичное лицо, с курносым носом. Шейн не раз пытался прикинуть, сколько же лет соседу, учитывая, что кожа на подбородке оставалась абсолютно гладкой, без намека на подростковый пушок. Сейчас все стало на свои места. Мальчик-подросток с водительскими правами превратился в достаточно

взрослую, самостоятельную девушку.

Надо было что-то сказать. Нельзя так долго таращиться, она ведь ждет объяснений!

– Ну, – Шейн откашлялся. – Я подумал, что мы уже достаточно времени провели вместе, ты должна была понять, что я не хочу тебя убить, и можно вывести наши отношения на новый уровень. Если, конечно, там за дверью ты не прячешь ружье.

Девушка снова окинула его взглядом с ног до головы, а потом широким жестом открыла дверь, пропуская гостя внутрь и махнув рукой в сторону кухни. Сама, не дожидаясь Шейна, прошла туда и включила чайник. Шейн вошел вслед за ней. Она стояла, опираясь спиной на рабочую поверхность и скрестив руки на груди. На лице застыл вопрос.

– Шейн Тейлор. Писатель в творческом кризисе, – выпалил Шейн и вопросительно взглянул на девушку.

Она молчала. Открыла было рот, чтобы что-то сказать, но затем лицо её нахмурилось, и она отвернулась к чайнику. Тот закипел и щелкнул. Соседка разлила воду по чашкам, но продолжала стоять спиной к Шейну. Да неужели ей настолько неприятно его общество, что она не может даже культурно его выпроводить?

– Слушай, ладно, я понял, – Шейн попятился к двери. – Тебе дорого твоё уединение, и ты не хочешь его нарушать. Я лучше пойду.

Девушка резко обернулась и протянула руку вперед, ука-

зывая взглядом на мобильник, зажатый у Шейна в руках. Для пущей убедительности поманила ладонью. Шейн удивленно протянул телефон, она его выхватила и стала что-то быстро набирать. Потом остановилась, видимо стерла набранное, и набрала снова. Затем протянула телефон, вверх экраном. Там оказались открыты черновики сообщений и написано слово.

«Миледи»

– Что? – поднял бровь Шейн. – Мне полагается сделать реверанс?

Девушка закатила глаза и снова стала что-то печатать.

«Так называют меня братья. Детская кличка. Это сарказм..»

Шейн взглянул на её мешковатые джинсы и большие тапки в виде крокодилов.

– М-м... ну да... – хмыкнул он. Она снова развернула к себе телефон.

«И вообще, собеседник из меня так себе.»

Взгляд её опустился, она принялась изучать ногти на свободной руке.

Ситуация была... странная?

– Ты не... ты не говоришь? Вообще? Давно?

Девушка нахмурилась, затем выпрямилась во весь свой небольшой рост и гордо расправила плечи.

«Уже месяц. А дальше как повезет. Ты знаешь, где дверь.»

Она отдала телефон и, не оборачиваясь, вышла из кухни.

Вот и разгадка последней тайны. Всё оказалось так просто, Шерлок Холмс застрелился бы от скуки. Но Шейн Тейлор всего лишь писатель с любопытством семидесятилетней бабули. Любопытство заставило его сунуть нос в чужие дела, а фантазия не переставала рисовать небывалые развязки сюжета. А это всего лишь девушка без голоса, которую достали любопытные зеваки, и она попыталась спрятаться от них и зализать раны. И сейчас она ждала, что он, как все другие, с облегчением воспользуется возможностью уйти.

Шейн взглянул на кружки с чаем возле чайника. Нет, убежать он не станет. Ситуация странная, но не ужасная. За последние дни он понял, что одиночество давит на нее, а человека нельзя бросать в таких обстоятельствах.

Мистраль сидела в гостиной на диване и напряженно ждала, когда же хлопнет входная дверь. Она действительно только что указала этому красивому, высокому мужчине на дверь? Неужели у неё на фоне всех предшествующих собы-

тий повредился мозг? Но нет, с мозгом всё в порядке, даже слишком. Будь она хоть немного глупее и наивнее, могла бы зазывно взмахнуть ресницами и разогнать свою тоску. Но она не наивная, уже нет, и не глупая. Мира не может заставить человека из жалости оказывать ей внимание. Жаль, очень жаль.

Послышались шаги, но дверь не хлопнула. Через секунду на пороге гостиной появился Шейн с чашками в руках и шелестящей упаковкой подмышкой.

– Я нашел печенье в шкафу. Надеюсь, ты не против?

Мира вскинула голову и в недоумении посмотрела на Шейна. Он протянул ей чашку. Проигнорировав ее взгляд, сел на другой конец дивана, поставил свою чашку на столик и стал разворачивать печенье.

– Могу тебе признаться, что вплоть до того, как ты открыла дверь, я считал тебя пацаном-подростком. Обычной девушке я бы в этом никогда не признался, но в тебе же нет ничего обычного, да? Хотя может, зря я это говорю, и мне стоило всё-таки сначала проверить наличие ружья за дверью?

Мистраль продолжала таращиться на него, не зная смеяться ей или обидеться. Шейн, кажется, не ждал от неё ответа. Он, наконец, открыл пачку с печеньем, взял свою чашку и аккуратно отпил из неё чай.

– Только не надо на меня так смотреть. Я же сказал, что я писатель. Чем ты слушала? Я могу говорить за нас двоих. Тебе останется кивать и смеяться над моими шутками. Мы

можем вместе смотреть фильмы, играть в карты... Здесь есть карты? Кстати, сколько раз ты уже услышала от своих братьев, что стала идеальной девушкой?

Мира закатила глаза и показала четыре пальца.

– А сколько у тебя братьев?

Три пальца.

– Итого двенадцать раз?

Она просто кивнула. А что еще на это ответить?

Шейн по-мальчишески ухмыльнулся.

– Ты правда считала? Я бы тоже не удержался сообщить своей сестре, что молчание ей идет. И я бы не ограничился двенадцатью шутками, а воспевал её немоту при каждой удобной и неудобной возможности. Видишь ли, одна наша бабуля родом из Индии.

Мистраль бросила взгляд на его черную шевелюру. Шейн проследил за её взглядом и непроизвольно запустил руку в волосы, приведя их в беспорядок. Впервые они находились в теплом помещении, где нет ветра, заставляющего щуриться. Суровая складка между бровями Шейна разгладилась, и он сделался вдруг ужасно обаятельным.

– Да, бабуля-индианка. И... Ты когда-нибудь смотрела типичные индийские фильмы, где есть одна особо вздорная мамаша, которая в курсе всех сплетен, знает, как кому жить, постоянно висит на телефоне, а на досуге устраивает личную жизнь детей? Это только что был портрет моей бабули. Она – самый выдающийся персонаж в моей семье. Дед однажды

поехал в Индию по рабочим вопросам, а вернулся оттуда с женой. Родители деда были в панике. Его мать без конца рыдала, а отец грозился лишить наследства. Но речь не о том. В общем, гены бабули сотворили злую шутку. Они не передались её собственным детям, зато внукам повезло. Меня в школе дразнили арабом, а сестру еще ни один бойфренд не выдержал дольше пары месяцев. И я их не виню. Я бы сдался уже после первого свидания. Конечно, она моя сестра, я её люблю, прожил с ней большую часть жизни, но у меня, как у брата, есть полное право в любой момент сказать «Заткнись, Мэри!». Бойфренды такого права не имеют, им полагается всё терпеть.

Эта длинная речь дала результат: Мистраль заулыбалась, и Шейн широко улыбнулся в ответ. На его щеках показались ямочки. О Господи, плюс ко всему у него еще и ямочки! Ну почему этот обаятельный красавец с ямочками свалился на её порог именно сейчас, когда она может показать себя только в самом невыгодном свете?

– А как ты общаешься с семьей? Тут же абсолютно убогая связь. Они разве не волнуются?

Мира посмотрела на Шейна как на недоумка, затем вытянула из кармана телефон и написала в черновиках

«Вай-фай.»

Бровь Шейна поползла вверх.

– У тебя есть вай-фай? Здесь?

Он это серьезно?

«Я думаю, у тебя он тоже есть. Ты не проверил, когда приехал?»

Шейн сделал глоток из чашки, чтобы потянуть время. Он вспомнил о ноутбуке с фильмами и свалке пустых бутылок на полу гостиной. Нет, он определенно не проверил. Хотя логика подсказывала ему, что тут что-то не так. Ведь как-то же он зарезервировал дом через интернет.

– Знаешь, хотел сейчас наплести тебе, что был слишком занят, но язык не поворачивается. Скажем, эти дни я просто не вспоминал про вай-фай. – Шейн проигнорировал скептическое выражение лица девушки и потянулся за печеньем. – Расскажи мне про «Миледи».

«Я же говорила, что собеседник из меня так себе. Слишком много придется печатать.»

– Но я должен тебя так называть? Seriously?

Она пожала плечами.

«Меня многие так зовут. Прижилось. Сначала я была

шумным, взбалмошным ребенком. Лазила по деревьям, обдирала колени... Укусила и ударила коленом в пах водителю, под чьи колеса выскочил котенок. Потом подросла и стала ходить за братьями, ошиваться в мальчишеских компаниях... Так что да, можешь звать меня Миледи.»

Шейн надолго задумался. Воцарилась дружественная тишина, нарушаемая только потрескиванием дров в камине. Интересная история. Наверное, таких историй тысячи, но забавно, что она так далеко пустила корни и жила до сих пор. Но это не отменяло главный вопрос вечера.

– Настоящее имя ты мне не скажешь? – снова заговорил Шейн.

Мистраль встала с дивана и подошла к камину, чтобы подбросить несколько поленьев. На самом деле в очаге горело достаточно дров, но ей захотелось потянуть с ответом.

Почему она не назвала имя и не протянула руку для пожатия, как при деловом знакомстве? Это еще один неприятный момент. Если знакомство не имело перспектив и человек скорее всего надолго в её жизни не задержится, она предпочитала отшутиться. Рассказать историю про Миледи проще, и она разряжает ситуацию. Люди смеются и с радостью продолжают поддерживать семейную шутку. Это лучше, чем снова выдерживать на себе пустой или удивленный взгляд. А потом начать объяснять, что маме показалось очень хоро-

шей идеей назвать дочь в честь северо-западного холодного ветра, который сбивает человека с ног и вырывает с корнем деревья.

Это как если бы её назвали муссоном, торнадо или бризом.

А учитывая тот факт, что Шейн и так уже знает слишком неприятный аспект её жизни, шокировать его ещё больше не хотелось. Поэтому она снова села на диван и напечатала:

«Не сейчас.»

Шейн стал с интересом её рассматривать.

– Ты скрываешься от правительства?

Мира саркастически приподняла одну бровь.

– Тогда, может, кому-то должна много денег?

Вторая бровь присоединилась к первой.

– Не бойся, я тебя не выдам. Но можешь не говорить, твоё право, – он вдруг оперся ладонями о колени и встал с дивана. – Я уже пойду, тебе надо переварить первое нормальное общение со мной. Дашь мне свой номер? Чтобы я мог написать, если вдруг захочу поиграть в карты.

Закрывая дверь за Шейном, Мистраль улыбалась. Он забавный, что не очень соответствует немного суровому виду. Возможно дело в бровях. Когда он спокоен, между бровями пролегает складка, но стоит ему скривить губы в ухмылке,

как лоб разглаживается, и перед тобой сидит другой, добрый и приятный человек.

Вот только свалился он на крыльцо Миры в не то время.

Глава 4

Назавтра Шейн пропал. Его машина стояла на месте, но он не выходил на пляж с чашками, его не было видно в кресле-качалке, и телефон Миры молчал. Зря она дала ему номер. Это была просто вежливость с его стороны, зато теперь Мистраль постоянно поглядывала на свой мобильник. После чаепития у камина она вдруг осознала, насколько была отрезана от мира всё это время. Сейчас ей хотелось, чтобы рядом был человек. Но тот единственный, кто находился достаточно близко, скорее всего, успел устать от её депрессивного настроения.

Мистраль пыталась вернуться к работе, но текст не ложился на музыку, и она бросила это занятие. День прошёл бесполезно, пусто.

На следующий день тоже была тишина. Мира могла бы сама написать сообщение, но не в её правилах было кому-то навязываться, особенно если этот кто-то – мужчина. К вечеру одиночество стало невыносимым, Мистраль надела шапку, толстовку и вышла на улицу. Нужно было пройтись. Она ещё ни разу не исследовала окрестности. Продуктов у неё хватало, идти в деревню нужды не было. Вместо этого она решила подняться на утес.

Панорама, открывавшаяся Мире, оказалась просто невероятной. С одной стороны был виден Монк-Бэй, с маленьки-

ми забавными домиками, а на много миль вокруг простирались поля, напоминающие лоскутное одеяло. Если же повернуться спиной к деревне, то взгляд устремлялся в бескрайний океан, где не было видно линии горизонта. Утес отвесной стеной уходил в воду. Там, внизу волны разбивались в пену о скалы.

Мира недооценила температуру воздуха и силу ветра на вершине утеса. На пляже было холодно, но наверху не спасала даже толстовка, ветер пробирал до костей, пальцы ledenели.

Поэтому Мистраль поспешила к дому, к любимому дивану напротив камина. На двери колыхалась записка, приклеенная куском пластыря. «Ты умеешь играть в карты?». Почерк был незнаком, но этого и не требовалось.

Почему записка? Мира сорвала её с двери и побежала к соседнему коттеджу. Долго стучать не пришлось, Шейн открыл почти сразу. Растрепанный, в сером толстом свитере под горло, джинсах и рыжих вязаных носках с черными глазками и красными носами. Предположительно, это были олени Рудольфы.

Мистраль с трудом оторвала взгляд от оленят и вопросительно подняла листок с болтающимся пластырем.

– Я писал. В «телеграм» и «вотс-ап». Ты не отвечала, – и он отошел, впуская Миру внутрь. Мистраль достала телефон и проверила сообщения. Их было двадцать два. На утесе не было вай-фай, она и забыла.

– Проходи, ты знаешь, как тут всё устроено, – проговорил Шейн и скрылся на кухне.

Мира прошла в гостиную. Этот коттедж, и правда, был копией соседнего, если не обращать внимания на разбросанную повсюду одежду. Из-под дивана выглядывало горлышко бутылки, на столике стояло четыре грязных кружки, рядом мерцал ноутбук. Соблазн был велик, но Мистраль не стала в него заглядывать. Вместо этого она подошла к камину, протянула к нему руки и только сейчас поняла, как сильно замерзла. Её начало знобить.

Из кухни вернулся Шейн с уже знакомыми чашками. Протягивая одну из них Мире, он случайно дотронулся до её ледяных пальцев и поморщился.

– Тебе одолжить денег на куртку? – строго спросил он, и подтолкнул её локтем к дивану. Затем закрыл ноутбук, поставил свою чашку на столик рядом с грязными и принялся бегать по дому, периодически поднимая вещи с пола, рассматривая их и небрежно выпуская из рук, на прежнее место. Скоро он вернулся с клетчатым пледом и бросил им в Миру.

«З» – значит забота.

Мистраль укуталась в плед и поёжилась. Она сделала глоток и удивилась, так как это оказался не привычный чай, а ароматный глинтвейн. Как же восхитительно! Взгляд её снова упал на записку, зажатую в руке. Она покрутила её у носа Шейна, который сел рядом и потянулся к своей чашке.

– А-а, карты. Так ты умеешь играть?

Мира отрицательно мотнула головой.

– Значит, научишься. И да, сегодня у нас глинтвейн. Мы празднуем мой выход из кризиса. Я всё это время писал книгу.

И он легонько стукнул краем своей чашки о её. Мира взглянула на его правую руку и увидела пластырь, намотанный на указательный палец. Шейн проследил за её взглядом.

– Консервы, – сказал он. – Пытался открыть. Перед этим пришлось проверить их срок годности. Кассирша в деревенском магазине считает своим долгом меня обокрасть, и я бы не удивился, если бы она и отравить меня решила.

Мира прыснула и вопросительно подняла бровь.

– Не спрашивай, почему, – Шейн сделал ещё один глоток. – На мои требования дать жалобную книгу она достала из кармана помятую салфетку, бросила сверху огрызок карандаша, мерзко ухмыльнулась и сказала: «Пиши!». Когда я вернусь к цивилизации, точно натравлю на нее инспекторов из всевозможных инстанций.

Шейн поднялся и запустил руку под диван. Вытянул оттуда колоду карт, на лице застыл триумф, он снова упал на прежнее место.

– Я знал, что оставил их где-то здесь. Ты точно не умеешь играть? У тебя же трое братьев, как они допустили пробел в твоём образовании?

«Я играла, когда мне было лет десять.»

– Тогда смотри. Начнем с простого.

«И много ты знаешь игр?»

– Не особо. Не перебивай, – строго отчитал Шейн. Мистраль закатила глаза. – Игра «Двадцать одно». Мы берем себе по две карты, в сумме должно получиться двадцать одно очко. Если тебе не хватает, вытягиваешь еще карту, и так до тех пор, пока не наберешь нужное количество очков. Победит тот, кто первый наберет двадцать одно или максимально близкое число. Если ты набираешь слишком много, то проигрываешь.

«Это же детский сад. Игра может закончиться уже после первого хода.»

– Давай, тяни две карты. Проигравший рассказывает что-то о себе.

«Бред. Я могу рассказать, что у меня голубые глаза.»

– Аквамариновые, – поправил Шейн, вытягивая себе карты. Когда Мира не шелохнулась, он посмотрел на неё и поймал удивленный взгляд. – Что? Они не голубые, а аквамариновые. И нельзя сообщать очевидные факты. Я могу услож-

нить, и тогда проигравший будет обязан ответить на любой вопрос, но зная тебя, не рискну. Ты можешь опять напустить на себя загадочный вид и удрать в свою нору.

Мистраль скривилась и осмотрела беспорядок в комнате.

«Мне кажется, это ты живешь в норе.»

– Не буду спорить. Я заплатил за месяц и имею право, – пожал плечами Шейн.

Они начали играть. Первая партия закончилась уже через минуту победой Миры. Шейн сообщил, что носки-Рудольфы подарила ему бабуля на Рождество два года назад, и он даже не подозревал, что они когда-то пригодятся. Продолжая игру, они смеялись и кидались картами друг в друга.

– Ты даже смеёшься странно, – заметил Шейн, и, осмелев, добавил: – Ты вроде смеёшься, но звук при этом выключен. Это как-то жутко.

И ему в лицо прилетела диванная подушка.

Следующие три партии Шейн так же проиграл. Выяснилось, что:

а. За первые две свои книги он получил больше трехсот тысяч фунтов.

б. Правая рука у него забита замысловатым узором из геометрических фигур и линий. Шейн это продемонстрировал,

сняв свитер и оставшись в майке. Мира нервно сглотнула.

в. Татуировка была ошибкой, это Шейн понял в двадцать три года, когда пытался устроиться на работу в офис.

Возможно, дело в глинтвейне, который Шейн периодически подливал в кружки, но в дальнейшем у Миры началась черная полоса. Если бы они играли на деньги, то Мистраль пришлось бы заложить свою любимую квартиру. Она всё строчила и строчила сообщения. Про эксцентричную маму, которая, дождавшись восемнадцатого дня рождения дочери, заявила, что выполнила свой воспитательный долг, и укатила в путешествие по Франции. Там вдруг влюбилась, вышла замуж и сейчас периодически звонит по скайпу, загоревшая и цветущая. Мира писала про детство девчонки-сорванца, про шрам на затылке от падения с дерева. Про занятия музыкой и танцами в школе. И волосы, которые не отрезала, потому что без них её бы чаще принимали за мальчика-подростка.

Мира написала про Гаррета, Рэннальфа и Идена.

Гаррет самый старший. Ему тридцать шесть лет. Он ответственный, с холодной головой, спокойный. Всегда сдержанный. Возможно, поэтому его жена ушла, оставив ему сына. Глядя на Гаррета, никто не осмеливался называть его Гарри. Такое позволяла себе только мама, но она ведь видела его голым...

Рэннальф у тридцать три, он обаятельный, легкий, подвижный. Настоящий лихой красавчик. Девушки просто та-

ют как масло рядом с ним. Они начинают нервно хихикать и вообще ведут себя, как дуры. Но Ральфу это на руку. Неизвестно, сколько подружек у него было, но число, наверное, приближается к сотне.

Иден, двадцать девять. Кандидат в мастера спорта по муай-тай. Высокий и напоминает шкаф, зато с тонкой душевной организацией. Играет на скрипке, снимает котят с деревьев, спасает дам в беде. Дамы не против.

Когда Шейн в очередной раз вернулся из кухни с глинтвейном, он обнаружил Миледи спокойно спящей, колода карт рассыпалась по полу. Шейн укрыл девушку упавшим пледом, а сам сел в кресло, намереваясь поработать.

Проснулся он рано утром, сидя в том же кресле. Огонь в камине давно погас, Шейна укрывал тот самый плед, который вечером был на Миледи. Самой её на диване уже не было.

Глава 5

Наступил день звонка издателю, пришло время сделать вылазку из дома. Шейну абсолютно не хотелось этого делать. Несмотря на то, что он уже шесть дней писал книгу с небольшими перерывами на еду и отдых, докладывать об этом было рано. Книга получалась какой-то личной, а Майкл наверняка потребует показать первые главы. Ему нравится таким образом на корню рубить некоторые идеи своих авторов.

Но, тем не менее, отчитаться было нужно. Майкл терял терпение, это было страшно неприятно. Гнев Майкла еще ни разу не был направлен на Шейна, но другие писатели имели счастье испытать его на себе. Шейн не желал оказаться на их месте.

Шейн уже привык считать свинцовое небо неотъемлемой частью Корнуолла, но сегодня неожиданно выглянуло солнце и разрушило стереотип. Намного теплее от этого не стало, однако прогулка на продуваемый всеми ветрами утёс уже не казалась такой неудачной идеей. А если ему к тому же удастся не поссориться с Майклом, или, что еще лучше, нарваться на голосовую почту, этот день можно будет считать идеальным. Но вряд ли, конечно, Шейну так повезет.

Постояв немного на пляже, Шейн нехотя побрел в сторону тропы. У подножья утеса что-то заставило его развернуться и взглянуть на соседский дом, и в следующую минуту он

уже стоял на крыльце и стучал в дверь. Миледи не открывала. Шейн хотел без спроса войти, но в последнюю секунду отдернул руку от дверной ручки: не настолько хорошо они знакомы. И снова постучал, и снова не дождался ответа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.